

# БОРИС СЛУЦКИЙ

ПОЭЗИЯ



МОСКВА  
2023

УДК 821.161.1-1  
ББК 84(2Рос=Рус)6-5  
С49

Составление *Андрея Крамаренко*

Иллюстрация на обложке *Анны Рысухиной*

Иллюстрация в марке серии:

© bsd / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

**Слуцкий, Борис Абрамович.**  
С49 Поэзия / Борис Слуцкий. — Москва : Эксмо,  
2023. — 288 с.

ISBN 978-5-04-189754-3

Поэтическая судьба Бориса Слуцкого оказалась непростой, долгое послевоенное время, а война стала водоразделом в биографии поэта, был непечатным. Первая книга вышла только в 1957 году, а большая часть стихотворений была найдена уже после смерти поэта.

И все же единственным крупным поэтом своего времени назвал Бориса Слуцкого Александр Межиров. Великим поэтом его считали Евгений Евтушенко, Олег Чухонцев, Евгений Рейн, а Иосиф Бродский — что начал писать стихи, когда прочитал Слуцкого.

ISBN 978-5-04-189754-3

© Слуцкий Б.А., наследник, 2023  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2023

## ГОЛОС ДРУГА

*Памяти поэта  
Михаила Кульчицкого*

Давайте после драки  
помашем кулаками:  
не только пиво-раки  
мы ели и лакали,  
нет, назначались сроки,  
готовились бои,  
готовились в пророки  
товарищи мои.

Сейчас все это странно,  
звучит все это глупо.  
В пяти соседних странах  
зарыты наши трупы.  
И мрамор лейтенантов —  
фанерный монумент —  
венчанье тех талантов,  
развязка тех легенд.

За наши судьбы (личные),  
за нашу славу (общую),  
за ту строку отличную,  
что мы искали ощупью,  
за то, что не испортили  
ни песню мы, ни стих,  
давайте выпьем, мертвые,  
во здравие живых!

## ЛОШАДИ В ОКЕАНЕ

*И. Эренбургу*

Лошади умеют плавать.  
Но — нехорошо. Недалеко.

«Глория» по-русски значит «Слава», —  
это вам запомнится легко.

Шел корабль, своим названьем гордый,  
океан старался превозмочь.

В трюме, добрыми мотая мордами,  
тыща лошадей топталась день и ночь.

Тыща лошадей! Подков четыре тыщи!  
Счастья все ж они не принесли.

Мина кораблю пробила днище  
далеко-далёко от земли.

Люди сели в лодки, в шлюпки влезли.  
Лошади поплыли просто так.

Что ж им было делать, бедным, если  
нету мест на лодках и плотах?

Плыл по океану рыжий остров.  
В море в синем остров плыл гнедой.

И сперва казалось — плавать просто,  
океан казался им рекой.

Но не видно у реки той края.  
На исходе лошадиных сил

Вдруг заржали кони, возражая  
тем, кто в океане их топил.

Кони шли на дно и ржали, ржали,  
все на дно покуда не пошли.

Вот и все. А все-таки мне жаль их —  
рыжих, не увидевших земли.

\* \* \*

Стихи,

    что с детства я на память знаю,  
важней крови,

    той, что во мне течет.

Я не скажу, что кровь не в счет:

она своя, не привозная, —

но — обновляется, примерно, раз в семь лет,

и, бают, вся уходит, до кровинки.

А Пушкин — ежедневная новинка.

Но он — один. Другого нет.

\* \* \*

Романы из школьной программы,  
на ваших страницах гошу.  
Я все лагеря и погромы  
за эти романы прощу.

Не курский, не псковский, не тульский,  
не лезущий в вашу родню,  
ваш пламень — неяркий и тусклый —  
я все-таки в сердце храню.

Не молью побитая совесть,  
а Пушкина твердая повесть  
и Чехова честный рассказ  
меня удержали не раз.

А если я струсил и сдался,  
а если пошел на обман,  
я, значит, некрепко держался  
за старый и добрый роман.



Вы родина самым безродным,  
вы самым бездомным нора,  
и вашим листкам благородным  
кричу троекратно «ура!».

С пролога и до эпилога  
вы мне и нора и берлога,  
и, кроме старинных томов,  
иных мне не надо домов.

\* \* \*

Интеллигенция была моим народом,  
была моей, какой бы ни была,  
а также классом, племенем и родом —  
избой! Четыре все ее угла.

Я радостно читал и конспектировал,  
я верил больше сложным, чем простым,  
я каждый свой поступок корректировал  
Львом чувства — Николаичем Толстым.

Работа чтения и труд писания  
была святей Священного Писания,  
а день, когда я книги не прочел,  
как тень от дыма, попусту прошел.

Я чтил усилия токаря и пекаря,  
шлифующих металл и минерал,  
но уровень свободы измерял  
зарплатою библиотекаря.

Те земли для поэта хороши,  
где — пусть экономически нелепо —  
но книги продаются за гроши,  
дешевле табака и хлеба.

А если я в разоре и распыле  
не сник, а в подлинную правду вник,  
я эту правду вычитал из книг:  
и, видно, книги правильные были!

\* \* \*

*Владиславу Броневскому  
в последний день его рождения  
были подарены эти стихи*

Покуда над стихами плачут,  
пока в газетах их порочат,  
пока их в дальний ящик прячут,  
покуда в лагеря их прочат, —

до той поры не оскудело,  
не отзвенело наше дело.  
Оно, как Польша, не гинело,  
хоть выдержало три раздела.

Для тех, кто до сравнений лаком,  
я точности не знаю большей,  
чем русский стих сравнить с поляком,  
поэзию родную — с Польшей.

Еще вчера она бежала,  
заламывая руки в страхе,  
еще вчера она лежала  
почти что на десятой плахе.

И вот она романы крутит  
и наглым хохотом хохочет.  
А то, что было,  
то, что будет, —  
про это знать она не хочет.

ЕЩЕ ВСЕ БЫЛИ ЖИВЫ

## И ДЯДИ, И ТЕТИ

Дядя, который похож на кота,  
с дядей, который похож на попа,  
главные занимают места:  
дядей толпа.

Дяди в отглаженных сюртуках.  
Кольца на сильных руках.  
Рядышком с каждым, прекрасна на вид,  
тетя сидит.

Тетя в шелку, что гремит на ходу,  
вдруг к потолку  
воздевает глаза  
и говорит, воздевая глаза:  
— Больше сюда я не приду!

Музыка века того: граммофон.  
Танец эпохи той давней: тустеп.  
Ставит хозяин пластиночку. Он  
вежливо приглашает гостей.

Я пририсую сейчас в уголке,  
как стародавние мастера,  
мальчика с мячиком в слабой руке.  
Это я сам, объявиться пора.

Видите мальчика рыжего там,  
где-то у рамки дубовой почти?  
Это я сам. Это я сам!  
Это я сам в начале пути.

Это я сам, как понять вы смогли.  
Яблоко, данное тетей, жую.  
Ветры, что всех персонажей смели,  
сдуть не решились пушинку мою.

Все они канули, кто там сидел,  
все пировавшие, прямо на дно.  
Дяди ушли за последний предел  
с томными тетями заодно.

Яблоко выдала в долг мне судьба,  
чтоб описал, не забыв ни черта,  
дядю, похожего на попа,  
с дядей, который похож на кота.



## МУЗЫКА НАД БАЗАРОМ

Я вырос на большом базаре,  
в Харькове,

где только урны  
чистыми стояли,  
поскольку люди торопливо харкали  
и никогда до урн не доставали.

Я вырос на заплеванном, залузганном,  
замызганном,  
залятом ворожбой,  
неистовою руганью  
заруганном,  
забоженном  
истой божбой.

Лоточники, палаточники  
пили  
и ели,  
животов не пощадя.

А тут же рядом деловито били  
мальчишку-вора,  
в люди выводя.

Здесь в люди выводили только так.  
И мальчик под ударами кружился,  
и веский катерининский пятак  
на каждый глаз убитого ложился.

Но время шло — скорее с каждым днем,  
и вот —

                  превыше каланчи пожарной,  
среди позорной погани базарной,  
воздвигся столб  
                  и музыка на нем.

Те речи, что гремели со столба,  
и песню —

                  ту, что со столба звучала,  
торги замедлив,  
                  слушала толпа  
внимательно,  
                  как будто изучала.

И сердце билось весело и сладко.  
Что музыке буржуи — нипочем!  
И даже физкультурная зарядка  
лоточников  
                  хлестала, как бичом.

\* \* \*

Как говорили на Конном базаре?  
Что за язык я узнал под возами?

Ведали о нормативных оковах  
бойкие речи торговок толковых?

Много ли знало о стилях сугубых  
веское слово скупых перекупок?

Что  
    спекулянты, милиционеры  
мне втолковали, тогда пионеру?

Как изъяснялись фининспектора,  
миру поведать приспела пора.

Русский язык (а базар был уверен,  
что он московскому говору верен,  
от Украины себя отрезал

и принадлежность к хохлам отрицал), русский базара — был странный язык. Я — до сих пор от него не отвык.

Все, что там елось, пилось, одевалось, по-украински всегда называлось. Все, что касалось культуры, науки, всякие фигли, и мигли, и штуки — это всегда называлось по-русски с «г» фрикативным в виде нагрузки. Ежели что говорилось от сердца — хохма жаргонная шла вместо перца.

В ругани вора, ракла, хулигана вдруг проступало реченье цыгана.

Брызгал и лил из того же источника, вмиг торжествуя над всем языком, древний, как слово Данилы Заточника, мат,

именуемый здесь матерком.

Все — интервенты, и оккупанты, и колонисты, и торгоши — вешали здесь свои ленты и банты и оставляли ключья души.